

Ночь Осуждения

ВИКТОР БЕЗМАТЕРНИЙ

18+

Виктор Безматерный
Нож Осуждения

«Автор»

2026

Безматерний В.

Нож Осуждения / В. Безматерний — «Автор», 2026

В королевстве вечной зимы тепло — это преступление. Принцесса Эльмира с рождения была идеальным оружием. Правая половина её тела несет в себе пламя древнего Храма, способное плавить камень, а левая скована первородным Льдом проклятия, которое её отец заключил с демонами Бездны ради власти. Она — живое противоречие, Клипота, ошибка природы, на которой держится хрупкий мир Севера. Когда безумный Король-отец решает принести собственную дочь в жертву темным богам, чтобы открыть врата Вечному Холоду, Эльмира вынуждена бежать из замка, ставшего тюрьмой. Преследуемая призраками прошлого и собственным отцом, который перестал быть человеком, она спускается в подземелья столицы. Там, в катакомбах среди костей предков, ей предстоит узнать страшную правду: Проклятие Зимы никогда не было просто магией. Это был кровавый договор, подписанный её матерью, а сама Эльмира — лишь ключ к замку, удерживающему нечто древнее под землей.

© Безматерний В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть первая. Король и лёд	5
Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	19
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Виктор Безматерний

Нож Осуждения

Часть первая. Король и лёд

Глава 1

Холод — вот первое, что я помню. Он не приходит извне, как сквозняк из-под тяжелой дубовой двери моей спальни в Северном крыле. Этот холод рождается где-то под ребрами, пульсирует ледяным комом и растекается по венам вместо крови.

Я просыпаюсь от собственного беззвучного крика, который намертво застрял в горле. Простыни смяты так, словно я пыталась выпутаться из рыболовной сети, а на лбу выступает липкая испарина. Сон всегда одинаков: бесконечная белая пустошь, над которой висит черное, выжженное до состояния угля солнце. И фигуры. Десятки фигур в серебристых плащах, лица которых скрыты за масками из матового льда. Они тянут ко мне руки, но их пальцы ломаются с хрустальным звоном, едва коснувшись моего плеча. Я знаю этот звук. Так трещит речной лед ранней весной, когда он еще держит вес человека, но уже предает его.

За окном глубокая ночь. Лунный свет падает на гобелен со сценой охоты, вышитый золотыми нитями. Золото кажется мертвым при таком освещении. Придавленным.

Мне нужно встать. Нужно подойти к окну, вдохнуть морозный воздух, чтобы смыть остатки кошмара. Ноги касаются пушистого ковра из медвежьей шкуры, но ощущение тепла обманчиво. Мои ступни все равно примерзают к полу невидимой коркой страха.

Внезапно тишину замка пререзает звук. Низкий, вибрирующий гул охотничьего рога. Он разносится по каменным коридорам, заставляя дрожать витражи в высоких стрельчатых окнах.

Охота? Сейчас? Луна даже не начала убывать, она висит над пиками гор идеально круглым серебряным щитом. Охотничий сезон закрыт три недели назад, зверь ушел на зимовье в низины.

Но рог трубит снова. На этот раз настойчивее, требовательнее. Это не зов егерея. Это приказ.

Спускаюсь по винтовой лестнице для прислуги. Главный холл залит светом сотен факелов, тени пляшут на статуях моих предков, превращая мраморные лица в искаженные маски ужаса. Отец никогда не тратил столько смолы просто ради развлечения. Сегодня здесь весь двор. Дамы кутаются в соболиные меха, кавалеры проверяют натяжение тетивы. Но никто не смеется. Воздух пахнет не предвкушением забавы, а железом и гарью.

Король Аларик стоит у подножия парадной лестницы. В свете факелов его седые волосы кажутся выкованными из стали, а глаза цвета выгоревшего неба смотрят сквозь собравшихся. Он одет не в бархат или парчу — на нем тяжелая боевая кольчуга двойного плетения, поверх которой наброшен простой кожаный колет. Мой отец выглядит не как монарх, собирающийся затравить кабана. Он выглядит как полководец перед осадой.

— Эльмира! — Его голос перекрывает шепоток придворных. Не просьба. Приказ. — Ты идешь со мной.

Мачеха, леди Изольда, стоящая чуть позади трона, нервно сжимает веер. Ее тонкие губы белеют. Она знает, что это безумие, но боится открыть рот. Советник отца, господин Вейл, человек с лицом высохшей ящерицы и вечно влажными ладонями, делает шаг вперед. Он склоняется к уху короля, но ветер — странный, потусторонний сквозняк, которого не должно быть в закрытом зале — доносит его слова до меня:

— Сир, Орден вернулся. Ваши силы нестабильны. Если вы покинете замок...

Отец резко вскидывает голову. Взгляд, которым он одаривает Вейла, способен заморозить кипящую воду.

— Молчи, червяк. Когда боги говорят устами твоего короля, советники должны слушать. Мы едем на северную пустошь. Там сегодня прольется кровь, которая сделает эту землю вечной.

Меня берут под локоть. Рука стражника жесткая, как корабельная снасть. Меня ведут к выходу, сажают в королевские сани, обитые изнутри шкурами белых медведей. Колеса скрипят по слежавшемуся снегу, копыта сотни лошадей высекают искры из брусчатки внутреннего двора. Ворота цитадели распахиваются с оглушительным скрежетом, впуская внутрь воющий ночной ветер.

Мы несемся через спящий город. Факелы оставляют в глазах желтые пятна. Жители прячутся за ставнями, лишь редкие силуэты жмутся к стенам трактиров. Никто не кричит нам вслед проклятий — страх перед короной сильнее голода. Но я вижу другое. Над крышами домов, там, где должен клубиться обычный печной дым, поднимаются сизые, тяжелые пласты тумана. Они движутся против ветра. Словно дышат.

Пустошь встречает нас открытой пастью метели. Здесь нет деревьев, которые могли бы задержать снег, только плоское, бескрайнее пространство, уходящее к самому горизонту, где острые зубы горных хребтов рвут ночное небо. Снег здесь глубокий, выше колен лошади, плотный, как гранит.

Стая борзых, выпущенная загодя, бесследно исчезает в белой мгле через четверть часа. Даже их лай тонет в этом ватном безмолвии. Свора словно растворилась в воздухе.

Король едет впереди. Он сидит в седле своего черного дестриэ прямо, не наклоняясь навстречу ветру. Рядом скачет Вейл. Остальные придворные растягиваются длинной, неровной цепью. Я еду в середине, окруженная личной гвардией отца. Их доспехи покрыты толстым слоем инея.

— Странная ночь для травли, ваше высочество, — тихо говорит капитан гвардии Маркус, мужчина с обожженным лицом. Единственный, кто осмеливается говорить со мной почти потечески. — Собаки сошли с ума перед выездом. Выли так, будто чуяли собственную смерть.

— Отец сказал, будет кровь, — отвечаю я, пытаюсь удержать пляшущую челюсть. Зуб на зуб не попадает.

— Кровь уже есть, — мрачно бросает Маркус, указывая плетью вперед.

На снегу лежит олень. Огромный самец с рогами, похожими на ветви засохшего дерева. Он мертв. Но дело не в этом. Живот животного вспорот с хирургической точностью, внутренностей нет. Однако рана абсолютно чистая — ни капли багрового на девственно белом насте. Олень замерз мгновенно, превратившись в стеклянную статую. Его глаза открыты, и в них отражается не луна, а тусклый фиолетовый свет, идущий откуда-то из-под земли.

Свита начинает сбиваться в кучу. Кони храпят, пьются, отказываясь идти дальше. Первыми паникуют лучники. Капитан арбалетчиков, старый ветеран южных кампаний, поднимает свое оружие, целясь куда-то в темноту над нашими головами.

— Там! Ваше величество, движение!

Тетива щелкает. Короткий тяжелый болт срывается в полет. Он рассекает завесу снега... и останавливается. Просто замирает в трех футах от наконечника арбалета. Зависает в воздухе, медленно вращаясь вокруг своей оси. За ним следует второй болт. Третий. Весь отряд выпускает стрелы одновременно, подчиняясь какому-то первобытному инстинкту самосохранения. Небо темнеет от смертоносного железа.

И всё оно остается там. Висит плотной черной тучей, словно пойманное в гигантскую паучью сеть. Скрежет металла о металл сливается в один сплошной, сводящий с ума гул.

Лошадь под королем встает на дыбы. Черный дестриэ, прошедший сквозь огонь бунтов юга, сейчас бьется в истерике, грызя стальные удила. Король натягивает поводья одной рукой, другой же указывает вперед.

— Вперед! — ревет он. — Чего испугались?! Жалкие трусы! Я благословил эти стрелы! Они найдут свою цель!

Его голос звучит странно. Глухо, словно мы находимся под водой. Эхо возвращается к нам спустя секунду, но оно принадлежит не Аларику. Оно старое, хриплое, многослойное — хор тысячи глоток повторяет слово «Цель».

Вейл соскакивает с коня. Он падает в снег на колени, прижимая ладони к земле. Лицо советника искажено экстазом и ужасом одновременно.

— Они здесь, — шепчет он, глядя снизу вверх на зависшие в воздухе стрелы. — Магистры Круга. Печати ослабли. Камень пьет вашу ярость, сир. Дайте им больше!

Я смотрю на отца. Что-то меняется в его облике. Тяжелая кольчуга вдруг становится слишком просторной для его тела, плечи словно расширяются, заполняя собой пространство. Тени, отбрасываемые факелами скачущих рядом рыцарей, удлиняются неестественно, изгибаются под невозможными углами, и ползут к ногам короля. Они стекаются к нему, как ртуть, облепляют сапоги, начинают карабкаться по стременам.

Аларик запрокидывает голову. Метель внезапно стихает. Полный штиль. Только висящие в пустоте стрелы продолжают свой тихий, гипнотический танец.

— Орден вернулся, — эхом повторяет чей-то голос совсем рядом со мной.

Я поворачиваюсь. Справа от моего седла никого нет. Лишь густая, маслянистая тень между двумя гвардейцами. У нее нет формы, но я чувствую на себе ее взгляд — холодный, оценивающий, древний.

— Принцесса, — шепчет тень, и звук этого голоса царапает мой разум изнутри. — Девочка, проснувшись от кошмара. Тебе не стоило открывать глаза.

Стрелы обрушиваются вниз. Но они летят не в снежную пустоту. Вся тысяча наконечников устремляется прямо в грудь моему отцу.

Время замедляется. Я открываю рот, чтобы закричать, предупредить, оттолкнуть его, хотя понимаю — смертный не может перехватить тысячу зачарованных лезвий.

Но король не пытается уклониться. Он ловит их.

Прямо перед его сердцем воздух сгущается, превращаясь в подобие мутного стекла. Стрелы вонзаются в него. Древки трескаются, щепка разлетается в стороны, но наконечники погружаются в эту невидимую преграду всего на дюйм и застревают. Они торчат из воздуха перед грудью короля, как жуткая металлическая чешуя. Ни одна капля крови не падает на белый снег.

Аларик открывает глаза. Радужка исчезла. Белки глаз сияют чистым, слепящим льдом, источающим тот самый фиолетовый свет, что был в глазах мертвого оленя.

Он улыбается.

Улыбка разрезает его лицо от уха до уха, обнажая зубы, которые становятся длинными, иглообразными, как у глубоководной рыбы.

— Видишь, дочь моя? — Голос теперь идет не изо рта. Звук исходит от самих висящих в воздухе стрел. — Они вернулись поклониться своему создателю. Теперь эта земля действительно станет вечной. Под моим льдом ничто не гниет.

Маркус хватается за поводья моей лошади, разворачивая её силой.

— Бросайте знамена! Отходим к лесу! Живо! Все назад!

Поздно. Позади нас, со стороны оставленного далеко позади города, поднимается стена огня. Но пламя это зеленое, холодное, и оно пожирает тьму, а не создает свет.

Моя лошадь обезумела от запаха озона и древней магии. Она ржет, вставая на дыбы, бьет копытами воздух. Ремень узды лопается с сухим треском. Животное шарахается вбок, сбрасывая меня прямо в сугроб.

Я лечу лицом в жесткий, колючий снег. Во рту вкус крови и талой воды. Мир переворачивается.

Когда я приподнимаюсь на локтях, тяжело дыша, сцена передо мной предстает картиной ада, нарисованного сумасшедшим ювелиром. Король стоит посреди поля, и вокруг него растет лес из замерших в воздухе стрел. Металлические стволы переплетаются, образуя над его головой жуткую корону. Вейл распростерт на земле, он целует край сапога монарха, рыдая от благоговения. Придворные дамы мечутся в панике, их дорогие платья путаются в ногах, а черные тени скользят меж ними, касаясь плеч, после чего люди оседают на снег безвольными куклами.

Никто не умирает громко. Смерть здесь наступает в абсолютной тишине. Люди просто засыпают навсегда, покрываясь тонкой алмазной пылью инея.

Я должна бежать. Каждая клетка моего тела вопит об этом. Мышцы готовы бросить меня прочь, в спасительную темноту оврагов. Но ноги не слушаются. Я смотрю на фигуру отца. На то, как мерцает ледяной панцирь вокруг него.

В кармане дорожного платья нащупываю что-то твердое. Амулет матери, крошечный кусочек янтаря, который она зашила в подкладку перед смертью. Говорили, что южный камень хранит тепло очага. Сейчас он обжигает мою кожу сквозь ткань, как раскаленный уголь. Янтарь плавится.

Магия севера пробудилась. Договор, заключенный первым королем с теми, кто живет подо льдом, истек. И Орден Хранителей, чьи печати веками сдерживали эту мерзость, опоздал. Или пришел именно за этим — увидеть финал.

— Найдите девчонку, — прокатывается над пустошью голос, состоящий из лязга тысяч клинков. — Она тоже часть сделки. Приведите дочь короля. Пришло время научить ее спать без сновидений.

Черная тень, говорившая со мной ранее, отделяется от группы гвардейцев. Она вытягивается, становясь выше самой высокой башни замка, принимая форму чего-то среднего между человеком и пауком, сотканным из космической пустоты. Она движется ко мне, оставляя в насте следы, от которых поднимается густой черный дым.

Я отталкиваюсь руками от снега. Боль в ушибленном плече отрезвляет. Инстинкт выживания наконец побеждает паралич. Перекатившись через спину, я ныряю в ближайшую ложбину, покрытую жестким кустарником. Острые ветки рвут бархат моего рукава и царапают лицо.

Я ползу, разгребая снег голыми руками. Позади слышится глухой удар — первая дезориентированная лошадь упала в скрытую снегом расщелину, увлекая за собой всадника. Раздается сухой треск костей.

Впереди, в нескольких милях, виднеется редкая полоска Кривого леса. Если я доберусь туда, среди старых елей мои шансы скрыться от теней возрастут. Главное — не поднимать головы. Не смотреть на фиолетовое зарево, которое начинает пульсировать в такт биению сердца моего отца-короля.

Метель вернулась. Но теперь снежинки не белые. Они прозрачные, граненые, похожие на мелкое битое стекло. Каждая такая крупинка оставляет на языке привкус могильной пыли.

Я втягиваю шею, стараясь стать меньше, незаметнее, превратиться в одну из замерзших кочек этой проклятой равнины. Сердце колотится где-то в горле. Кошмар закончился, когда я открыла глаза в спальне. Настоящий ужас начался только сейчас.

Где-то высоко надо мной, запутавшись в незримой сети мироздания, навсегда застыли стрелы королевской охоты. Последней охоты династии Львиного Крыла.

Орден вернулся. И судя по тому, как дрожит под моими коленями промерзшая земля, возвращением своим они довольны.

Глава 2

Запах гари преследовал меня до самых ворот столицы. Даже когда Кривой лес скрыл за своими черными стволами фиолетовое зарево над пустошью, я все еще чувствовала на языке вкус озона и жженого сахара. Маркус вытащил меня из сугроба, перекинул через седло своего коня, как мешок с репой, и погнал животное галопом, не щадя шпор. Капитан гвардии рисковал головой, возвращаясь в замок без короля, но выбора у него не было. Если бы мы остались там, к рассвету наши тела просто стали бы частью ледяного орнамента на снегу.

Мы въехали в город через Рыбные ворота. Стражники едва успели поднять решетку. Город не спал. Улицы были полны факельного света и мечущихся теней. Люди выбегали из домов прямо в ночных рубахах, прижимая к груди узлы с пожитками. Никто не кричал о пожаре — огонь остался далеко в горах. Они бежали от тишины. От того давления, которое повисло над столицей после рога моего отца. Воздух стал густым, его трудно было вдохнуть полной грудью, словно весь мир оказался накрыт невидимым стеклянным колпаком.

Замок встретил нас распахнутыми настежь воротами. Главный двор был освещен так ярко, будто готовились к празднованию середины лета. Сотни слуг таскали вязанки дров, бочки с маслом и кипы соломы. Но это была не подготовка к пиру. Это собирали топливо для сигнальных костров на стенах.

— Где король? — прохрипел комендант крепости, старый одноглазый Борг, перехватывая поводья нашей лошади. Его единственный глаз смотрел на пустое седло позади Маркуса.

— На маневрах, — бросил капитан, тяжело дыша. — Готовьте казну. И пошлите гонцов во все баронства. Сир объявляет общий сбор войск. Немедленно.

Меня буквально стащили с седла. Ноги подкосились — мышцы свело судорогой от ледяной скачки. Кто-то набросил мне на плечи тяжелый плащ. Я подняла глаза. Вейл. Советник стоял передо мной, вытирая снег с лица рукавом дорогого камзола. В уголке его рта запеклась кровь — он прикусил губу, когда стрелы зависли в воздухе. Но страха в глазах старика больше не было. Там горел лихорадочный, почти религиозный восторг.

— Принцесса, вам нужно переодеться, — сказал он своим обычным скрипучим голосом, словно мы только что вернулись с обычной прогулки по саду. — Через час Большой Зал будет полон. Отец ждет вас на своем месте по правую руку.

— Мой отец сейчас убивает людей взглядом! — выкрикнула я, отталкивая его руки. Голос сорвался на визг. — Он стоит посреди поля мертвецов!

Вейл прищурился. Лягушачьи складки кожи вокруг его рта дрогнули в подобии улыбки.

— Король Аларик сейчас заключает сделку, которая спасет эту страну от голода и междоусобиц, Эльмира. Не оскорбляй богов своей истерикой. Иди к себе. Жди приказа.

Мои покои оказались мне клеткой. Окна выходили на внутренний плац, где уже выстраивались первые отряды латной пехоты, прибывшие с южных рубежей этой ночью. Грохот сапог по расчатке отдавался болью в зубах.

Служанка Агата пыталась расшнуровать мой корсаж, но ее пальцы дрожали. Она то и дело бросала испуганные взгляды на зеркало в серебряной раме.

— Ваше высочество, — прошептала она, наклоняясь к самому уху. — Говорят, в портовом квартале вода в заливе замерзла за один удар колокола. Прямо поверх волн. Рыбаки вышли утром проверить сети и переломали ноги об лед, которого там быть не должно. Черный лед, ваше высочество. Сквозь него звезды видно вверх ногами.

Я посмотрела на свое отражение. Лицо серое, губы синие. На скуле наливаются багровым огромный синяк — след от падения в снег. Но страшнее всего были глаза. В них отражался свет свечей, и казалось, что зрачки заполнены жидким золотом. Проклятие пустоши начало просачиваться под кожу.

Когда тяжелые дубовые двери распахнулись, я ожидала увидеть гвардейцев, которые силой потащат меня в зал. Но порог переступила леди Изольда. Моя мачеха. За ней семенили две камеристки, сжимая в руках платья из тяжелого парчового шелка цвета застывшей крови.

— Снимите это тряпье, — приказала Изольда, брезгливо глядя на мою разорванную охотничью куртку. — Сегодня день возвышения Короны. Вы будете стоять рядом с ним как принцесса, а не как побитая крестьянка.

— Я никуда не пойду, — отрезала я. — Он сошел с ума. Мы должны закрыть ворота и молиться, чтобы Орден успел...

Изольда подошла вплотную. От нее пахло лавандой и чем-то металлическим. Ее тонкие, аристократичные пальцы сомкнулись на моем предплечье с силой кузнечных клещей.

— Молиться? — переспросила она шепотом. — Девочка моя, твой отец *стал* тем, кому молятся. Ты видела лишь малую часть силы, которую дарует Холодная Кровь. Те глупцы внизу, которые называют себя герцогами и графами, тоже видели тени. Поэтому они здесь. Они напуганы до мокрых штанов. Им нужен символ стабильности. Им нужна ты. Благопристойная, покорная дочь. Если ты откажешься выйти, Аларик спустится сюда сам. И тогда он заберет твою волю вместе с разумом. Выбор за тобой: идти своими ногами или висеть у него на локте, как марионетка с обрезанными нитями.

Она знала. Мачеха всегда презирала политику, увлекаясь лишь ядами и ботаникой, но сейчас в ее глазах блеснул холодный расчет. Она приняла сторону победителя быстрее всех остальных.

Агата начала снимать с меня одежду, пока я стояла оглушенная этим ультиматумом. Меня облачили в тяжелое платье Дома Северных Бурь. Кринолин сдавил ребра, лишив возможности сделать глубокий вдох. Шею обвил ожерелье из черного мориона — камня, который, по слухам, притягивает души умерших. Каждое движение давалось с трудом, словно я надевала доспехи для собственной казни.

Двойные створки Большого Зала распахнулись ровно в тот момент, когда часы на башне пробили полночь.

Зал преобразился. Знамена побежденных мятежников, которые десятилетиями висели вдоль стен как напоминание о власти трона, были сняты. Их место заняли голые каменные плиты, покрытые толстым слоем свежеевыпавшего снега. Настоящего, морозного снега, кото-

рый не таял даже в духоте от сотен факелов и дыхания толпы. По полу змеилась поземка. Температура упала настолько, что дыхание превращалось в густой белый пар мгновенно.

Придворные стояли плотной толпой. Здесь собрался цвет королевства: герцоги Пограничья в тяжелых медвежьих шурах, епископы в белых сутанах, адмиралы флота с золотыми цепями на груди. Все они молчали. Тишина была такой плотной, что треск льда на колоннах звучал как пушечные выстрелы.

На троне изо слоновой кости сидел мой отец.

Корона из белого золота съехала ему на лоб. Нижняя челюсть безвольно отвисла, обнажив десны, но кожа натянулась так туго, что, казалось, вот-вот лопнет. Между зубов медленно проступали новые клыки — длинные, желтоватые, загнутые внутрь. Его руки, лежащие на подлокотниках, перестали быть человеческими. Пальцы удлиннились, ногти превратились в черные, блестящие когти.

Он поднял голову, когда мы вошли. Взгляд прошел сквозь меня, даже не заметив.

— Войдите, дети мои, — произнес трон. Звук исходил не от фигуры отца, а резонировал от самих камней зала. — Подойдите ближе. Пусть ваши вассалы видят единство семьи.

Маркус подтолкнул меня в спину острием ножен. Мы сделали шаг вперед. Затем еще один. Толпа придворных расступалась перед нами, образуя живой коридор. Я шла, опустив взгляд, изучая их обувь. Дорогие туфли из телячьей кожи, походные сапоги, расшитые бисером туфельки дам...

И тут я увидела кольцо на руке Верховного Судьи. Старик стоял бледный как смерть, пытаясь удержать трясущуюся челюсть. На его печатке, поверх фамильного герба, появился новый символ. Тонкая, идеально ровная восьмиконечная снежинка, выжженная прямо в металле. Металл вокруг знака пошел пузырями, источая сизый дымок, хотя никакого огня не было.

Мой взгляд метнулся дальше. Епископ Иллирийский. Перстень с аметистом. Внутри камня теперь клубилась вечная метель. Герцог Реймонд, известный дуэлянт. Кольцо-череп на мизинце. Глазницы черепа заполнила тягучая черная смола, которая пульсировала в такт биению сердца герцога.

Они все носили эти знаки. Почти каждый человек в этом зале был отмечен. Печати. Договора. Вейл называл это «Холодной Кровью». Это была не просто магия севера. Это была инфекция. Паразит, который вселялся в плоть знати, давая им защиту от грядущего холода в обмен на абсолютное подчинение тому, кто сидел на троне.

— Армия выступит на рассвете, — голос-король прогремел под сводами. — Старый договор нарушен. Хранители посмели коснуться моей крови на пустоши. Теперь мы не просим земли. Мы берем всё. Северный предел падет к весне. Земли Обета станут нашими пастбищами.

Герцог Бертрам, самый богатый землевладелец после короны, осмелился шагнуть вперед. Его колени тряслись, но алчность оказалась сильнее страха.

— Ваше величество, обозы не успеют. Артиллерию придется оставить, телеги увязнут в ваших... новых землях. Нам нужны проводники из местных кланов. Горцы знают тропы.

Отец издал звук, похожий на ломающийся лед. Смех без капли радости.

— Местные мертвы, Бертрам. Я заморозил их реки неделю назад. Они сидят в своих пещерах и грызут собственные щиты от голода. Проводником станет тот, кого я назову. Магистр Круга обещал нам легионы, которым не нужна еда. Им не нужен сон. Только направление удара.

По рядам пронесся судорожный вздох. Упоминание магистра Круга означало переход последней черты. Некроманты никогда не служили короне открыто. До сегодняшнего дня.

Сквозь толпу протиснулась фигура, закутанная в мантию цвета гнилого мяса. Капюшон скрывал лицо, но я узнала этот силуэт — именно он стоял на коленях перед отцом на охоте. Вейл подошел к подножию трона и распростерся ниц прямо в грязном, талом месиве на полу.

— Первый контингент прибыл, сир, — доложил советник, не поднимая головы. — Они ждут в катакомбах под Храмом Двух Лун. Костяные драконы готовы нести знамена.

Костяные драконы. Я почувствовала, как желчь подступает к горлу. Огромные ящеры, погибшие во времена Первого Катаклизма, которых некроманты скрепляли черной магией и заставляли летать на полусгнивших перепонках. Летающие горы смерти.

Толпа снова заволновалась. Адмирал флота сделал два шага к выходу. Просто развернулся, намереваясь уйти. Это был акт тихого неповиновения, последняя попытка сохранить остатки достоинства.

— Стоять, — рыкнул отец.

Адмирал замер. Его тень на стене внезапно обрела плотность. Она отделилась от камня, вытянулась в длинный черный хлыст и захлестнула горло живого человека. Хруст трахеи утонул в общем испуганном вздохе. Тень втянула тело моряка в камень стены, оставив на паркете лишь пару окровавленных перчаток и звякнувшую золотую цепь.

— Вопросы снабжения решит Круг, — продолжил король, равнодушно глядя на опустевшее место. — Вопросы лояльности решаю я. Есть ли среди моих верных псов те, кто сомневается в праве Короны владеть смертью?

Вперед вышел архиепископ. Самый могущественный человек церкви после Папы. В его руках был золотой крест-реликварий размером с боевой молот.

— Во имя Света, остановись, брат! — воззвал он. — То, что ты несешь, не божественное право, а проклятие Диких Земель! Эти печати на пальцах наших лордов — клейма демонов! Очисти свой разум, умоляю тебя!

Архиепископ поднял свой молот высоко над головой. Для любого другого монарха это было бы концом. Но мой отец просто щелкнул пальцами.

Серебряный наконечник креста покрылся толстой коркой ржавчины за долю секунды. Деревянное древко рассыпалось в труху. Архиепископ упал на колени, хватая ртом воздух, из его рта пошла пена.

— Свет слаб, святой отец, — ласково произнес король. — Потому что солнце уходит. Оно предало нас. Остался только я. И мой холод.

Он поднялся с трона. Сделал шаг вниз по ступеням. Толпа ахнула и попятилась. С каждым шагом короля мраморный пол покрывался новыми узорами инея. Там, где проходила его нога, цветы мозаики навсегда становились черными от космического холода.

— Те, чьи кольца чисты, — отец обвел тяжелым взглядом тех немногих, на чьих руках не было знаков снежинок, — могут покинуть зал. Бегите в свои провинции. Запирайтесь в монастырях. Может быть, весна придет в ваши края. Остальные — склонитесь. Присягните новому порядку. Вечности.

Это был выбор между быстрой смертью от рук теней снаружи и медленным гниением заживо внутри двора. Большинство рухнуло на колени сразу. Бароны, генералы, богачи — сливки общества ползали по растаявшему снегу, целуя грязные плиты.

Я осталась стоять. Ноги примерзли к месту. Рядом со мной, выпрямившись во весь рост, стоял Маркус. Его ладонь лежала на рукояти меча. Капитан гвардии не встал на колени. Его кольцо-печатка на большом пальце оставалось простым железом.

Взгляд отца наконец сфокусировался на мне. Белесые, слепые бельма впились в мое лицо. — А вот и моя девочка, — пророкотал трон. — Боишься? Не бойся. Боль длится лишь мгновение. Потом приходит покой. Такой глубокий, что твои кошмары покажутся детской сказкой. Иди ко мне, Эльмира. Позволь отцу согреть тебя настоящим льдом.

Он протянул ко мне руку. Пальцы-когти были в нескольких дюймах от моего плеча. Воздух между нами стужался, превращаясь в режущее стекло. Еще секунда, и моя кожа начнет отслаиваться от мышц кристаллами.

— Нет, — выдохнула я. Слово прозвучало жалко и тихо, но оно разорвало чары ожидания.

Левая рука сама собой скользнула к поясу. Там, скрытый складками тяжелой юбки, висел кинжал для разделки птицы — тонкий, острый кусок стали, который я тайком носила с пятнадцати лет, устав от нравоучений Изольды.

Время замедлилось. Я видела, как расширяются зрачки Вейла, замечаящего движение. Как напрягаются икры Маркуса, готового прыгнуть вперед и закрыть меня собой, прекрасно зная, что это безнадежно.

Но прежде чем я успела обнажить лезвие, прежде чем коготь отца коснулся моего горла, дальний конец зала взорвался светом.

Не теплым, благодатным светом свечей. Это была вспышка чистой, белой энергии, болезненной для глаз, как удар молнии в ясный день. Раздался звук разбитого хрусталя — пронзительный, заполняющий каждую пору тела звон.

Снег, покрывавший пол, мгновенно испарился облаком пара. Факелы погасли. В наступившей темноте раздался крик — короткий, оборвавшийся на половине ноты. Так кричат люди, чья кровь вскипает в жилах.

Когда белое марево рассеялось, на ступенях перед троном стоял человек.

Он был одет в простой серый дорожный плащ, промокший до нитки. С ткани капала обычная талая вода. Никакой брони, никакого оружия. Но от фигуры этого человека исходило

такое давление, что ближайšie к нему лорды начали оседать на пол, теряя сознание от разрыва барабанных перепонок.

Человек откинул капюшон. Его волосы были белыми, как свежесвыпавший снег, но брови оставались угольно-черными. А глаза... глаз не было. Вместо них в глазницах плескалось жидкое серебро, отражающее само время.

— Договор расторгнут, Аларик, — сказал незнакомец, и его голос не имел эха. Он поглощал звуки. — Ты использовал Ключи Льда для убийства детей на пустоши. Древние отозвали свою милость. Оставь сосуд. Он тебе больше не принадлежит.

Отец повернул голову. Впервые за вечер на его лице-монстре отразилось нечто похожее на человеческий ужас. Губы исказились в беззвучном рычании.

— Орден... — прошипел он. — Хранители...

— Больше нет, — поправил его Сереброглазый. — Теперь есть только приговор.

Трон за спиной отца начал трескаться. Массивные куски слоновой кости раскалывались, выпуская наружу клубы черного дыма, в котором извивались искаженные детские лица.

Началась паника. Придворные, забыв о присягах, ринулись к дверям, топчя друг друга. Леди Изольда визжала, закрывая лицо руками, размазывая по щекам румяна и сажу.

Маркус схватил меня за плечо, грубо разворачивая:

— Сюда, принцесса! Через галерею Искусств! Пока они отвлеклись!

Я позволила себя увести. Мы нырнули в боковую дверь для музыкантов, оставляя за спиной рев взбешенного чудовища, которое еще недавно было моим отцом, и спокойный, неумолимый голос представителя Ордена.

Мы бежали по темным коридорам, освещенным лишь тусклыми лампадами. За нашими спиной содрогался замок. Слышался грохот падающих статуй, вой ветра, запертого внутри помещений, и нечеловеческий вой короля, потерявшего свою новую игрушку.

Только оказавшись в старой оранжерее, на морозном воздухе, среди погибших от холода лимонных деревьев, я позволила себе упасть на колени прямо в грязный талый снег. Меня трясло.

Маркус прислонился к стволу мертвой оливы, тяжело дыша. Его кольчуга покрылась толстым слоем инея — остаточная магия тронного зала догнала нас.

— Это был Магистр? — спросила я, стуча зубами. — Тот старик? Он убьет отца?

Капитан посмотрел на меня сверху вниз. В его старых, усталых глазах читалась вековая скорбь солдата.

— Нет, — тихо ответил Маркус. — Тот старик пришел не убить короля, принцесса. Он пришел забрать долг. Аларик продал душу не дьяволу. Он заложил её Первозданному Холоду. И сегодня вечером банк явился взыскать залог.

Где-то глубоко под фундаментом замка, в древних криптах, куда столетиями сбрасывали отходы и хоронили самоубийц, раздался низкий гул. Земля дрогнула. Будто нечто огромное, погребенное под городом, перевернулось во сне и начало просыпаться.

Орден вернулся. Но судя по тому, как затряслись стекла оранжереи, защищать живых они были настроены гораздо меньше, чем карать восставших мертвецов.

Глава 3

Ночь пахла озоном, гарью и сладковатым тленом. Этот запах пропитал камни Северного крыла насквозь, вьелся в гобелены и бархат портьер. Маркус запер дверь моей спальни на тяжелый дубовый засов, задвинул шкафом окно и приказал Агате законопатить щели под дверью старыми тряпками.

— Он будет искать вас до рассвета, — хрипло сказал капитан, тяжело привалившись к косяку. Его левая рука висела плетью — пальцы почернели от обморожения после прикосновения короля в тронном зале. — Если король доберется до вашей крови сейчас, пока договор с Холодом еще не закрепился печатью... он сможет переписать вашу волю.

— Я слышу его шаги, — прошептала я, кутаясь в шерстяное одеяло у едва теплящегося камина. — Он ходит по коридорам. Камни стонут там, где он ступает.

— Это не шаги, принцесса. Это эхо того места, куда провалился ваш отец. Магистр Ордена дал ему время до полуночи. Срок истекает через час.

Агата зажгла пучок сушеной полыни. Горький дым должен был отпугивать злых духов, но сегодня духи сами были хозяевами замка. Сквозь треск сухих стеблей я прислушивалась к замку. Тяжелая поступь отца больше не сотрясала своды — теперь это была вязкая, скользкая тишина, которую изредка прорезал звук льющейся воды. Король оплакивал свой разбитый трон слезами жидкого льда.

Внезапно сквозь толщу камня пробился новый звук. Резкий, металлический лязг цепи, за которым последовал глухой удар дерева о брусчатку внутреннего двора. А затем — смех. Громкий, раскатистый, совершенно лишенный безумия, которое плескалось в нем два часа назад. Человеческий смех.

Маркус мгновенно оказался у смотровой щели, скрытой за портретом моего прадеда.

— Ворота малого донжона открыты, — доложил он. — Во двор спускают клетку. Железную, обитую кожей.

Клетка. Для кого? Для магистра Сереброглазого? Или для тех лордов, что пытались бежать во время паники?

Дверь содрогнулась от тяжелого удара снаружи. Кто-то пытался войти, но массивный дуб держал. Затем раздался голос. Тихий, вежливый, с легким присвистом, словно говорящему мешали новые зубы:

— Ваше высочество. Откройте. Мы пришли обсудить будущее вашего королевства. Старые долги требуют новых гарантий.

Я узнала этот голос. Вейл. Советник никогда не называл меня «высочеством» вне официальных церемоний. Обычно я была для него просто «девочкой».

— Убирайся, труполоб! — рявкнул Маркус, обнажая клинок. Лезвие тускло блеснуло в свете углей.

— Капитан, опустите меч, — устало вздохнул Вейл. — Вы защищаете ту, кто уже принадлежит нам. По праву первородства её матери. Эльмира, открой. Холод утомляет старые кости.

Мое сердце пропустило удар. Мать. Королева Анна умерла родами, дав мне жизнь. Официальная версия — горячка и потеря крови. Но почему тогда ее склеп всегда был покрыт слоем инея, даже в самые жаркие летние месяцы? Почему настоятельница монастыря Святой Девы плакала, когда я приносила ей цветы, шепча: «Твоя мать слишком холодна для земли»?

— Отойди от двери, Маркус, — мой голос прозвучал чужим, надтреснутым. — Если они хотели убить нас, мы бы уже превратились в ледышки в оранжерее.

Капитан посмотрел на меня как на сумасшедшую, но послушался. Засов со скрипом отъехал в сторону.

На пороге стоял Вейл. В полумраке коридора его лицо казалось вылепленным из серого воска. За его спиной маячили две фигуры в черных балахонах некромантов Круга. Их лица скрывали маски из человеческой кости, а в руках они держали не факелы, а стеклянные сферы, внутри которых бились пойманные синие огоньки — души умерших насильственной смертью.

— Бросьте церемонии, советник, — проскрипел один из некромантов. Маска искажала голос, делая его похожим на хруст ломающихся веток. — Девочка напугана. Она чувствует кровь. Приведите её.

Малый пиршественный зал находился глубоко под землей, соединяясь с королевскими покоями тайным ходом за панелью библиотеки. Дорогу показывал сам Вейл. Факелы здесь не горели — путь освещали те же светящиеся сферы мертвецов. Синий свет бросал на лица такие тени, что казалось, будто мы идем по дну океана, населенному утопленниками.

Лестница закончилась тяжелой бронзовой плитой. Вейл приложил ладонь к металлу. Раздалось шипение кипящего масла, плита дрогнула и медленно ушла вверх, открывая проход.

Воздух ударил в лицо горячей волной, смешанной с запахом жженого сахара, мускуса и свежей могильной земли.

Зал преобразился до неузнаваемости. Мраморные колонны обвивали живые, пульсирующие черные лозы. Вместо столов стояли алтари из цельного обсидиана. Потолок исчез — вместо него зияла бездна, заполненная северным сиянием кроваво-красного цвета. И главное — жара. Здесь было невыносимо душно, словно мы спустились в легкие живого зверя.

Король сидел на нижнем ярусе амфитеатра, прямо перед огромным бассейном из черного стекла. На нем снова была кольчуга, но теперь она казалась частью его тела — металл пророс сквозь кожу, слившись с ребрами. Лицо Аларика почти вернулось к человеческому, если не считать глаз. Они все еще были слепыми бельмами, источающими морозный пар.

Рядом с ним, развалившись на груде шелковых подушек, сидело существо. Человекоподобное, облаченное в мантию из сшитых вместе вороньих крыльев. Кожа незнакомца имела оттенок старого пергамента, туго натянутая на череп, а длинные тонкие пальцы заканчивались когтями, которые он лениво точил о край бассейна. Именно от него исходил запах тлена.

— Садись, дочь, — король указал на место слева от себя. Место королевы. — Ты заставляешь ждать наших партнеров.

Я подошла, стараясь не смотреть в черный бассейн. Вода в нем бурлила, хотя жара должна была давно превратить её в пар. Из глубины поднимались пузырьки воздуха, каждый из которых лопался с тихим стоном облегчения.

— Что это за место? — спросила я, лишь бы разорвать густоту молчания.

— Истинный Храм Короны, — ответил некромант в мантии из крыльев. Он повернул голову. Когда лунный свет (если этот красный туман можно было назвать луной) упал на его профиль, я увидела, что носа у него нет — только две узкие щели, ведущие вглубь черепа. — То, что стоит наверху — лишь красивая надстройка для глупцов. Настоящая власть всегда растёт из костей.

Он шелкнул пальцами. Одна из боковых стен зала пошла рябью, как вода, и растворилась. За ней открылся вид на подземную темницу. Огромные арочные своды, уходящие во тьму, были уставлены стеллажами. Но на полках лежали не книги. Там покоились черепа. Тысячи черепов, аккуратно пронумерованные рунами на лбах. Древние короли, мятежные герцоги, сожженные еретики. Весь генофонд власти нашего королевства хранился здесь в виде праха и костей.

— Договор требует подтверждения, — продолжил некромант. Его звали Архивариус, хотя язык едва поворачивался называть имя этого ужаса вслух. — Орден Хранителей нарушил баланс. Они запечатали Ключи Льда нашими именами сто лет назад. Ваш дедушка согласился платить дань спокойствием ради защиты границ. Ваш отец решил вернуть долг досрочно. Смело. Глупо. Но эффективно.

— Я хочу знать цену, — прохрипел король. Он смотрел прямо перед собой, туда, где из черной воды бассейна начала подниматься фигура. Сначала появилась кисть руки, белая, как алебастр, затем плечо, закованное в доспех, который рос прямо из плоти. — Север обширен. Мне нужны дороги, которые не замечает буран. Мне нужна армия, которая не спит. Мне нужен страх, который сделает мою корону непререкаемой.

— Страх дорог, сир, — мурлыкнул Архивариус. — Особенно тот, что переживает смерть своего владельца. Взамен на право прохода ваших войск через Застывшие Земли, взамен на наши легионы костяных големов, мы просим малость. Право сбора.

— Налог? — фыркнул отец. — Берите золото рудников.

— Золото плавится, — прошелестел некромант. — Нам нужно то, что вечно. Души. Каждая десятая душа новорожденного в северных провинциях с момента подписания этой бумаги. И...

Он сделал паузу, наслаждаясь моментом. Красный туман вокруг сгустился.

— ...первая печать кровью. Тот, кто открыл дверь, должен отдать самое дорогое, что держит его в мире живых. Чтобы магия севера стала твоей сутью, ты должен отсечь свою привязанность к тому, что осталось на юге.

— Говори яснее, падальщик, — прорычал Аларик.

Архивариус улыбнулся. Его рот растянулся от уха до уха, раскрываясь тремя дополнительными рядами тонких, как иглы, зубов.

— Королеву Анну похоронили заживо, сир. Не от горя, а потому что яд, который вы дали ей, чтобы усилить зачатие наследника, сработал иначе. Она не умерла. Она уснула. Глубоко внизу, в Храме Двух Лун, ожидая, когда сила вернется в ваш род. Чтобы ваша связь с Первозданным Холодом стала абсолютной, эта связь должна быть разорвана окончательно. Вы должны лично разбить её саркофаг и убедиться, что тепло её сердца погасло навсегда. Только пепел жены сделает вас идеальным сосудом для нашей зимы.

Я перестала дышать. Воздух застрял в легких острым осколком. Мать жива? Все эти годы она лежит в темноте, погребенная собственным мужем ради колдовского ритуала?

Отец молчал долго. Достаточно долго, чтобы красные сполохи на потолке начали тревожно пульсировать. Наконец, он кивнул. Движение вышло механическим, рваным.

— Где подписать?

Архивариус протянул ему пергамент. Обычный лист телячьей кожи, исписанный витиеватым шрифтом. Чернильницы рядом не было. Некромант взял руку отца, перевернул ладонью вверх и полоснул своим когтем по коже. Рана раскрылась, но вместо крови оттуда потек густой, черный, дымящийся ихор.

Аларик прижал окровавленную ладонь к бумаге. Пергамент задымился. Буквы вспыхнули золотым огнем, впитывая жидкость, а затем кожа на ладони короля начала стремительно бледнеть, покрываясь сеткой голубых вен, наполненных жидким азотом.

— Союз скреплен, — объявил Архивариус. — Теперь слушайте первое распоряжение. Орден Хранителей укрылся в монастыре Святого Августина. Там хранятся Печати Безмолвия. Пока целы печати, ваши мертвые солдаты будут рассыпаться трухой на солнце. Вам нужен ключ. И проводник.

— Проводник? — переспросил король.

Некромант указал когтем на меня.

— Ваша дочь. В ней течет кровь Анны. Кровь Старшей Династии, той, что правила этими землями до прихода ваших предков-южан. Древние тропы под монастырем узнают её шаг. Она откроет вам ворота изнутри. Предательство должно питаться кровью предающего, разве не так, принцесса?

Все взгляды обратились ко мне. Красные глаза отца-бельма, пустые провалы масок некромантов, маслянистый взгляд Вейла.

— Я не поведу армию против святых отцов, — выдавила я. Горло пересохло настолько, что слова царапали гортань. — Я скорее брошусь в колодец.

— Колодец тебя не примет, — ласково возразил Архивариус. — Видишь ли, твой кошмар... тот сон про прозрачных людей на льду. Это не сон. Это память. Первая династия не погибла в войне. Её поглотил голод. Вечный голод Пустоты. Те призраки — это твои прабабушки и прадедушки. Они смотрят на тебя каждую ночь, потому что ты — их последний шанс поесть. Теплая, живая душа в теле их потомка. Очень удобно.

Шёпот начался внезапно. Сначала он звучал как сквозняк в дымоходе. Высокочастотный, сводящий с ума писк на грани ультразвука. Я схватилась за виски, пытаюсь вытолкнуть звуки наружу.

«Сестра... какая тонкая кожа...»

«У неё вкус лета, брат. Чувствуете?»

«Иди сюда, маленькая королева. Дедушка научит тебя настоящему холоду...»

Голоса текли прямо в мозг, минуя уши. Они принадлежали теням, танцующим на стенах. Черные лозы, обвивающие колонны, вдруг обрели объем и потянулись ко мне. Их листья были сделаны из переплетенных человеческих нервов.

— Оставьте её! — Маркус вылетел вперед, закрывая меня собой. Его меч со свистом рассек воздух. Сталь обрушилась на ближайшую черную лозу.

Раздался звук, с которым топор входит в мокрое гниющее дерево. Лоза расплескала желтую слизь, но не отрубленная часть упала на пол — она втянулась обратно в потолок, а рана на колонне затянулась сама собой, исторгнув из себя вопль замурованного человека.

— Какая преданность, — причмокнул губами Архивариус. — Капитан, вы забавляете нас. Хотите занять место королевы в ледяной гробнице? Места хватит на двоих.

— Принцесса ничего вам не откроет, — процедил Маркус, выставляя клинок дрожащими руками. По лезвию поползла трещина от одного лишь соприкосновения с проклятой флорой.

Я видела бойню глазами капитана. Бессмысленность сопротивления. Мы были мухами, попавшими в смолу. Но именно отчаяние Маркуса отрезвило меня. Если я позволю им забрать нас обоих, всё кончено. Если же я соглашусь... появится лазейка.

— Я сделаю это, — мой голос прозвучал ровно, перекрывая визг шёпота. Голоса древних тут же стихли, разочарованно отступая в камень. — Я проведу отряд к монастырю.

Король медленно повернул ко мне свои слепые бельма. Уголки его рта дрогнули в подобию гордости.

— Умная девочка. Всегда была умной. Обожаю тебя, дочь моя.

От этих слов веяло таким космическим одиночеством, что мне захотелось завить.

— Но есть условие, — продолжила я, чувствуя, как колени готовы подкоситься от нахлынувшей слабости. Шок проходил, оставляя липкий ужас. — Маркус остается здесь. При мне. Как гарантия того, что вы не убьете монахов сразу, как только печати падут.

— Наглость, — рыкнул Аларик, приподнимаясь. Пол под его ногами пошел трещинами от холода. — Торговаться со мной?

— Торгуются равные, — ответила я, глядя прямо в белые глаза. Внутри всё сжималось, но плечи расправились сами собой. — А вы только что подписали закладную на собственную жену. Вы отчаянно нуждаетесь в исполнителях, сир. Иначе зачем вам вообще приводить меня сюда? Сами боитесь встретиться с прошлым лицом к лицу.

Это был точный удар. Архивариус издал сухой смешок, похожий на кашель. Даже Вейл отступил на шаг, опасливо глядя на своего господина. Лицо отца исказилось яростью существа, которому напомнили о его смертности.

— Хорошо, — прошипел он. — Пусть живет. До твоего возвращения. Если монастырь не падет к полнолунию, я вырву его сердце собственными зубами и пришлю тебе в коробке, дочь.

— Меня устроит такой срок, — кивнула я.

Архивариус поднялся. Ростом он теперь превосходил любого человека вдвое — балдахин из вороньих крыльев доставал до потолка. Он подошел к бассейну и погрузил руку в черное стекло по локоть. Жидкость забурлила сильнее, выпуская клубы пара, пахнувшего серой и розами.

— Дар первого шага, — провозгласил некромант. Он вытащил из бассейна предмет. Это был кинжал. Рукоять из берцовой кости, лезвие казалось выкованным из мутного, грязного льда. — Нож Осуждения. Им ваш дед подписывал указы о Великом Голоде. Держи.

Кинжал полетел рукоятью вперед. Инстинктивно я вскинула руки, чтобы поймать его, и тут же пожалела. Ледяное лезвие обожгло ладони не холодом, а тысячей мелких электрических разрядов. Боль была оглушающей, но когда я сжала пальцы на рукояти, боль сменилась чувством невероятной, пьянящей силы. Кинжал пел. Он хотел пить.

— Монастырь охраняется двенадцатью стражами-печатами, — инструктировал Вейл, подавая мне перевязь. — Три внешних, девять внутренних. Каждый страж питается живой кровью настоятеля. Тебе придется пройти их все. Нож поможет снять блоки, но помни, принцесса: чем глубже ты будешь спускаться в катакомбы, тем громче будут говорить твои предки. Не отвечай им. Если ответишь — станешь одной из них. Просто иди. Ищи Зал Семи Свечей.

Маркус схватил меня за руку, пока я продевала ремень через плечо. Его хватка была единственным теплым пятном в этом царстве вечной мерзлоты.

— Эльмира, не делай этого. Дай мне убить его. Мы уйдем через южный тракт.

— Куда, Маркус? — я посмотрела в его старое, покрытое шрамами лицо. — На юг, где чума? На запад, где море выбросило на берег корабли без единой команды? Отец заразил весь континент. Единственное место, где осталась хоть какая-то защита — это монастырь. Если я достану ключи, возможно, у нас появится шанс договориться с Орденом. Оружие врага может стать нашим щитом.

— Это самоубийство.

— Нет, — я крепче сжала костяную рукоять ножа Осуждения. Лезвие тускло светилося синим. — Это политика. Самый кровавый вид войны.

Обратно в мои покои меня вели уже другие слуги. Живые люди исчезли из подземелий, остались только куклы из промерзшей глины с горящими синими углями вместо глаз. Вейл лично снял засов с двери спальни.

— Выходите на рассвете, — бросил он. — Король ждет вас во дворе. С вами пойдет первый манипул големов. Сто бойцов. Больше дать не можем — они слишком тяжелы для мостов.

— Солдаты знают план? — спросила я.

Советник впервые позволил себе искреннюю эмоцию — удивление.

— План? Девочка, големы умеют ходить, останавливаться и рубить всё, что имеет пульс. Этого достаточно. Твое дело — открыть замок. Остальное сделает зима.

Когда дверь закрылась, отрезая меня от запаха смерти, я рухнула на кровать. Агата подбежала с водой, но я оттолкнула чашку. Вода замерзла, не долетев до пола, разлетевшись мелкими льдинками.

Сон пришел мгновенно, накрыв тяжелым шерстяным одеялом. Но отдыха он не принес.

Я стояла в том самом зале с бассейном. Только теперь он был полон. Тысячи фигур в истлевших саванах сидели на ступенях амфитеатра. Мои предки. Мужчины с тяжелыми подбородами, женщины с острыми, птичьими лицами.

Они смотрели на нож в моих руках.

— *Ты чувствуешь наш голод, сестра?* — спросил мужчина, чей череп я видела на полке в хранилище. Его нижняя челюсть отвалилась и болталась на клочке иссохшей кожи. — *Мы строили эту империю веками. А потом пришли теплые ветра с юга и согнали нас в землю. Архивариус обещал нам справедливость.*

— *Какую справедливость?* — спросила я, хотя губы не двигались.

— *Тепло*, — выдохнул хор мертвецов единым облаком пара. — *Твоё тепло. Приходи к нам, Эльмира. Спускайся. Мы приготовили тебе место прямо у ног бабушки. Там уютно и совсем не больно, если не сопротивляться.*

Одна из женщин, чья кожа напоминала старый пергамент, поднялась и направилась ко мне. В пустых глазницах у нее копошились белесые личинки. Она протянула руку, желая коснуться моего лица.

Я проснулась от собственного крика, дернувшись так сильно, что скатилась с кровати на пол.

Свечи догорели до самых подсвечников. В комнате было светло — за окном занимался болезненный, серый рассвет. Первый день зимы, которой не будет конца.

Сквозь ставни донесся звук труб. Низкий, утробный рев боевых рогов некромантов. Звук, от которого беременные женщины теряют детей, а собаки сходят с ума.

Я встала. Подошла к зеркалу. На моем лице не было следов сна. Только темные круги под глазами и лихорадочный румянец.

На шее, поверх ожерелья из мориона, проступила метка. Тонкая, едва заметная вязь инея, складывающаяся в очертание короны. Договор вступил в силу. Моя кровь больше не принадлежала только мне. Часть её теперь вечно мерзла в подземных резервуарах Круга.

— Агата, — позвала я. Голос звучал твердо. — Достань из сундука мужскую одежду для верховой езды. Плотную, самую теплую. И найди мне карту северных болот. Самую старую, какую сможешь найти. Ту, где отмечены курганы.

Служанка замерла с открытым ртом.

— Мы едем воевать, Агата. Пора будить рыцарей. Тех немногих, чьи кольца еще не украшены снежинками.

Я вышла из спальни, оставив позади теплый мех и иллюзию безопасности. Впереди ждал монастырь Святого Августина, двенадцать печатей древней магии и орда мертвецов, называющая меня сестрой.

Нож Осуждения холодил бок под плащом, обещая легкую дорогу сквозь любую защиту. Легкую для того, кто готов заплатить душой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.